

[КАНДИДАТ-РЕСПУБЛИКАНЕЦ \(Третья часть\)](#)

Вчера я сказал, что пока Буш выступал в конгрессе, Маккейна чествовали в Маленькой Гаване в ресторане «Версальес».

Там жило и обосновалось со своими семьями большинство самых ожесточенных врагов Кубинской революции - батистовцы, крупные землевладельцы, домовладельцы и миллионеры, которые тиранили и грабили наш народ. Правительство Соединенных Штатов использовало их по своему усмотрению, организуя агрессоров и террористов, которые на протяжении почти 50 лет заливали кровью нашу страну. К этому потоку позже добавились нелегальные эмигранты, Закон об урегулировании статуса кубинских эмигрантов и жесточайшая блокада, навязанная народу Кубы.

Невероятно, чтобы в наши дни кандидат-республиканец, чтимый как герой, превратился в орудие этой мафии. Ни один уважающий себя человек не может проявить такое поразительное отсутствие этики.

Члены палаты представителей Илеана Рос-Летинен, Марио и Линкольн Диас-Баларт, сенатор Мал Мартинес, также кубинского происхождения, губернатор Чарльз Крист и независимый сенатор Джозеф Либерман стали опорами кандидата в попытке завоевать Флориду и его главными консультантами по вопросам политики в Латинской Америке.

Чего смогут ждать латиноамериканцы от подобных советников?

Рос-Летинен охарактеризовала Маккейна как человека, «сильного в деле национальной обороны», и «также понимающего, какую угрозу означает режим Кастро».

Маккейн был видным участником слушания по Кубе в подкомитете по вопросам потребления, внешней торговли и туризма комитета науки и транспорта, проходившего 21 мая 2002 года, на котором он повторил, что наша страна представляет собой угрозу для Соединенных Штатов в силу ее способности производить биологическое оружие, что, как доказал Джеймс Картер, было нелепостью.

В отношении предложенных мер в целях облегчения поездок на Кубу Маккейн в октябре 2003 года внес предложение прервать обсуждение этих тем.

Обращает на себя внимание акция, осуществленная в марте 2005 года, с тем чтобы представить законопроект под названием «Закон в целях стимулирования демократии 2005», который разрешает финансирование, усиливает подрывную работу, создает новые структуры и предлагает дополнительные механизмы давления, направленные против Кубы.

Намекая на пиратские авиетки, сбитые 24 февраля 1996 года, он заявил: «Если бы я был президентом Соединенных Штатов, я приказал бы начать расследование по делу об уничтожении этих храбрецов, убитых по приказу Фиделя и Рауля Кастро, и судил бы их».

В другом из своих своеобразных заявлений он сказал, что «если бы на Кубе была свобода, ему хотелось бы встретиться лицом к лицу с кубинцами, которые пытались некоторые его товарищей во время вьетнамской войны». Ну и отважен же этот одержимый кандидат!

Перейдем к сущности его идей.

Какое политическое воспитание он получил? Никакого. Его обучали как военного пилота исходя из физической пригодности управлять боевым самолетом. Что в нем преобладает? Семейные традиции и его усиленные политические мотивации.

В своих воспоминаниях он утверждает: «Мой отец достиг высших командных чинов, когда коммунизм сменил фашизм в качестве главной угрозы американской безопасности. Он люто ненавидел его и посвятил себя его уничтожению. Он верил, что мы безвыходно втянуты в борьбу с Советским Союзом не на жизнь, а на смерть. В конце концов, или одна, или другая сторона добьется полной победы, и в этом результате решающую роль будет играть военно-морская мощь. Таково было его категорическое мнение по этому вопросу».

«В 1965 году яростные столкновения между враждующими группами, про одну из которых думали, что то был коммунистический фронт, привели Доминиканскую Республику на край гражданской войны. Президент Джонсон приказал моему отцу возглавить военно-морской десант в ходе операции «Стил Пайк 1», вторжение и оккупацию этой карибской страны. Данная операция была противоречивой. Критики справедливо осудили ее как незаконное вмешательство в дела суверенной страны. Мой отец, как было ему свойственно, неустрашимо противостоял внутренней оппозиции.

«Некоторые осудили интервенцию как неоправданную, - отмечал он, - но коммунисты были готовы вмешаться и взять власть. Может быть, люди не любят тебя за то, что ты силен, когда надо быть сильным, но они уважают тебя за это и учатся вести себя в соответствии с этим отношением».

Его последующее назначение в Организацию Объединенных Наций рассматривалось в военно-морских силах как заключительная точка и считалось его последним поручением. Он был адмирал с тремя звездами, и перспективы на получение четвертой звезды были отдаленными. Два года спустя ему приказали отправиться в Лондон, чтобы принять на себя командование военно-морскими силами США в Европе. Это назначение принесло ему четвертую звезду. Менее чем через год его сделали командующим всеми силами Соединенных Штатов в Тихом океане - наивысшее военное операционное командование в мире».

Когда Маккейн, будучи курсантом, возвращался из своей учебной поездки, он проехал через оккупированную территорию Гуантанамо.

«Гуантанамо в те дни до Кастро было диким местом. Все мы высадились на берег и немедленно направились в огромные походные палатки, которые поставили на базе в качестве временных баров, там подавали в больших количествах крепкое кубинское пиво и даже еще более крепкие ромовые пунши тем, кто проявлял жажду и не мог заплатить даже за самое дешевое спиртное».

«Я с гордостью чувствовал себя выпускником Военно-морской академии. Но в тот момент самым глубоким моим чувством было облегчение. Меня уже приняли в Пенсаколе для подготовки к полетам. В те дни надо было пройти только физическое обследование, чтобы считаться годным для летной подготовки, и мне не терпелось начать жизнь беззаботного летчика военно-морских сил.»

«В октябре 1962 года я как раз возвращался на военно-морскую базу Норфолк после завершения развертывания в Средиземном море на борту авианосца «Энтерпрайз».

Моя эскадрилья поднялась с «Энтерпрайза» и вернулась на авиабазу военно-морского флота «Оушеана», в то время как корабль входил в Норфолк».

«Через несколько дней после нашего возвращения мы внезапно получили приказ вылететь обратно на авианосец. Наши командиры объяснили необычный приказ, сообщив, что в нашу

сторону идет ураган.»

«За двадцать четыре часа все наши самолеты поднялись в воздух и вернулись на авианосец, и мы направились в открытое море. Кроме наших А-1, на «Энтерпрайз» были боевые самолеты большой дальности, для которых характерны сложности при взлете и посадке. Мы отправились для нашего таинственного развертывания без них.»

«Наш авиационный командир обратился к представителю эскадрильи и сказал ему, что у нас нет времени ждать, пока прилетят все его самолеты; некоторым из них придется вернуться на свою базу.

Я был достаточно сбит с толку видимой срочностью нашей миссии – нас поспешно переместили за один день, оставив позади некоторые наши самолеты; эскадрилья военно-морского флота получила приказ присоединиться к нам, имея достаточно горючего, чтобы приземлиться или сесть на воду. Тайна разрешилась, когда вскоре всех пилотов собрали в большом салоне «Энтерпрайза», чтобы выслушать послание президента Кеннеди, который сообщал стране, что советские базируются на Кубе ядерные ракеты».

На этот раз он имел в виду известный Карибский кризис 1962 года, более 45 лет назад, оставивший в нем тайное желание напасть на нашу страну.

«Энтерпрайз», шедший полным ходом на своем атомном реакторе, был первым американским авианосцем, пришедшим в воды по соседству с Кубой. В течение почти пяти дней мы, пилоты «Энтерпрайза», думали, что начнем боевые операции. Мы никогда раньше не участвовали в боях и несмотря на мировую конфронтацию, которую предвещал удар по Кубе, мы были готовы и жаждали произвести свой первый вылет. Атмосфера на борту судна была достаточно напряженной, но не чрезмерно. Конечно, мы внутри были очень возбуждены, но сохраняли спокойствие, подражая типичному имиджу лаконичного, сдержанного и смелого воюющего американца.»

«После пяти дней напряжение спало, когда стало очевидно, что кризис будет разрешен в мирной форме. Мы не были разочарованы, что не сумели получить свой первый боевой опыт, но у нас разгорелся аппетит, и воображение оживилось. Мы с жадностью ждали случая сделать то, чему мы были научены, и наконец обнаружить, хватало ли у нас храбрости, чтобы выполнить задание.»

Далее он рассказывает об инциденте, происшедшем на атомном авианосце «Форрестол», когда тот находился в Тонкинском заливе. Сто тридцать четыре молодых американца, многим из которых было 18-19 лет, погибли, усиленно стараясь спасти корабль. Авианосец, полный пробоин из-за взрыва бомб, должен был направиться в Соединенные Штаты для капитального ремонта. Следовало бы проверить, что тогда публиковалось и как освещалась эта тема.

Затем Маккейн переходит к другому авианосцу обычного типа, находившемуся в тех же морях и с той же целью. Надо проследить за каждым самоопределением автора.

«30 сентября 1967 года я рапортовал о прибытии на «Орискани» и в группу VA-136 – боевую эскадрилью самолетов А-4, носившую прозвище «Лос Сантос». В течение трех лет, пока длилась операция «Rolling Thunder» - кампания бомбардировок Северного Вьетнама, начатая в 1965 году, - ни один пилот с авианосца не совершил больше вылетов и не понес больше потерь, чем пилоты с «Орискани». Когда в 1968 году администрация Джонсона сочла операцию «Rolling Thunder» завершенной, тридцать восемь его пилотов погибли или попали в плен. Было уничтожено шестьдесят самолетов, включая двадцать девять типа А-4. Эскадрилья «Лос Сантос» понесла самые большие потери. В 1967 году треть пилотов эскадрильи были убиты или в плену. Один из каждых пятнадцати А-4, первоначально принадлежавших к этой группе, был уничтожен. Мы пользовались высокой репутацией благодаря нашей агрессивности и успехам, достигнутым при

выполнении наших миссий. В месяцы, предшествовавшие моему прибытию в эскадрилью, члены «Лос Сантос» разрушили все мосты портового города Хайфон.»

«Так же, как все боевые пилоты, мы проявляли почти зловещее безразличие к смерти, которая погружала эскадрилью в глубокую печаль, становившуюся все глубже по мере того, как рос список наших потерь.

Мы вылетали для следующей атаки с решимостью нанести как можно больший ущерб.

Я был готов сбросить бомбы, когда в самолете раздался сигнал тревоги.

Я знал, что меня подбили. Мой А-4, летевший на скорости, близкой к 550 милям в час, резко устремился к земле, вращаясь вокруг своей оси.»

«Я автоматически отреагировал в момент, последовавший за попаданием, и увидел, что мой самолет потерял крыло. Сообщив по радио о моей ситуации, я дернул рычаг аварийного катапультирования».

«Я ударился о часть самолета, сломав левую руку, правую руку в трех частях и правое колено. На короткий момент вследствие силы катапультирования я потерял сознание. Некоторые свидетели утверждают, что мой парашют едва успел раскрыться за несколько мгновений до того, как я упал в неглубокую воду озера Трук-Бах. Я приземлился посреди озера, в центре города, среди бела дня.»

«Мой отец не был склонен вести войны половинчатыми мерами. Он считал выдержку замечательным человеческим качеством, но когда ведется война, он полагал, что надо принимать все необходимые меры, чтобы привести конфликт к быстрому и успешному завершению. Война во Вьетнаме не была ни быстрой, ни успешной, и я знаю, что он воспринимал это как крупную неудачу.»

«В выступлении, произнесенном им после выхода в отставку, он сказал, что Соединенные Штаты привели к поражению во Вьетнаме «два достойных сожаления решения»: первое – публичное решение запретить американским войскам вторгнуться на север Вьетнама и разбить врага на его собственной территории... Второе - ...запретить бомбардировки Ханоя и Хайфона вплоть до последних двух недель конфликта...».

«Сочетание этих двух решений позволило Ханю применять любую стратегию, какую бы он ни пожелал, зная, что потенциально не будет ни репрессалий, ни контратак.»

«Когда северные вьетнамцы начали наступление первостепенной важности в декабре 1971 года, в момент, когда силы Соединенных Штатов во Вьетнаме были сокращены до 69 000 человек, президент Никсон наконец дал указание моему отцу немедленно заминировать Хайфон и другие северные порты. Администрация Никсона в большой степени обходилась без микроуководства войной, сыгравшего столь плохую службу администрации Джонсона, в частности без абсурдных ограничений на объекты, навязанных пилотам американских бомбардировщиков.»

«Отношения между военными командирами и их гражданскими начальниками улучшились, когда заняли свои посты президент Никсон и министр обороны Мелвин Лэйрд. Новая администрация явно была более заинтересована и поддерживала точку зрения генералов и адмиралов, ведших войну. У моего отца были хорошие отношения с обоими - с Никсоном и Лэйрдом, - а также с Генри Киссинджером – советником президента по национальной безопасности.»

Он не скрывает своих чувств, когда говорит о жертвах бомбардировок. Его слова источают глубокую ненависть.

«В апреле 1972 года наше положение намного улучшилось, когда президент Никсон возобновил бомбардировки Северного Вьетнама, и по приказу моего отца с марта 1968 года на Ханой начали падать первые бомбы. Во время операции «Linebacker» - так была названа эта кампания - в войне стали применяться самолеты B-52 с их огромным грузом бомб.»

«Тревога, которую мы испытывали до 1972 года, усилилась из-за боязни, что Соединенные Штаты не были подготовлены к тому, чтобы сделать все необходимое в целях завершения войны в разумно быстрые сроки. Мы не различали на горизонте дня, когда война окончится. Поддерживал ли ты войну или выступал против нее - я был знаком с некоторыми пленными, защищавшими последнее, - никто не считал, что войну надо было вести так, как сделала это администрация Джонсона.»

«Самолеты B-52 наводили страх на Ханой в течение одиннадцати ночей. Они шли волна за волной. Днем, пока стратегические бомбардировщики переснаряжались и перезаправлялись горючим, налеты совершали другие самолеты. Вьетнамцы поняли, что к чему.»

«Наши старшие офицеры, зная, что это было неизбежно, предупредили нас, чтобы мы не проявляли никаких эмоций, когда соглашение будет обнародовано.»

Он источает ненависть к вьетнамцам. Он был готов уничтожить их всех.

«В момент, когда наступил конец с подписанием в Париже мирного соглашения, мой отец ушел в отставку. Уже не ограниченный своей ролью подчиненного по отношению к гражданскому руководству, он подверг соглашение критике. «Из-за нашего желания закончить войну мы подписали очень плохое соглашение», - сказал он.»

В этих абзацах отражаются самые глубокие идеи Маккейна. Самое плохое происходит, когда он поддается мысли выступить с заявлением против войны, которую вела его страна. Он не мог не упомянуть об этом в своей книге. Как он делает это?

«Он (его отец) получил сообщение о том, что одну широко передаваемую пропагандистскую программу, якобы сделанную мной, проанализировали и сравнили голос с записью интервью, данного мною французскому журналисту. В обоих случаях голос был определен как один и тот же. В мучительные дни сразу после моего признания я боялся, что мой отец узнает об этом.

После моего возвращения домой он никогда не упоминал, что знал о моем признании, и хотя я рассказал ему об этом, мы никогда не обсуждали это глубоко. Только недавно я узнал, что запись, которую, как мне казалось во сне, я слышал в камере через громкоговоритель, была реальной, ее передавали за стенами тюрьмы, и мой отец был с ней знаком.

Если бы я знал, в какой момент мой отец услышал мое признание, я расстроился бы больше, чем это можно себе вообразить, и не смог бы прийти в себя так быстро, как это случилось. Однако за годы, прошедшие с тех пор, мое уважение к отцу и к себе самому стало более зрелым. Сейчас я лучше понимаю природу сильного характера.

Мой отец был человеком достаточно сильным, чтобы не судить слишком строго характер сына, который достиг своих пределов и обнаружил, что не дотягивают до стандартов идеализированных героев, которые нам внушали в детстве.»

Я его критикую не за это. Делать это было бы слишком безжалостно и бесчеловечно. Не в этом цель. Сейчас речь идет о необходимости разоблачить политику, которая не является личной, а разделяется многими, поскольку объективную правду всегда будет трудно понять.

Думал ли когда-нибудь Маккейн о Пятерке кубинских героев, боровшихся с терроризмом,

заклученных в одиночные камеры, - которые, по его словам, он ненавидит, - вынужденных предстать перед судом Маленькой Гаваны за преступления, которых никогда не совершили, причем трое из них приговорены к одному и даже двум срокам пожизненного заключения, а двое других - к 19 и 15 годам?

Знает ли он, что власти Соединенных Штатов получили информацию, которая смогла предотвратить смерть американских граждан от терроризма?

Знает ли он о действиях Посады Каррилеса и Орландо Боша, ответственных за взрыв в воздухе кубинского самолета и за гибель его 73 пассажиров и членов экипажа?

Почему он не говорит об этом курсантам Аннаполиса?

Вскоре исполнится 10 лет пребывания кубинских героев в тюрьме. Они никогда никого не убивали и не пытали. Не обвиняйте Вы их сейчас в том, что они были во Вьетнаме, подвергая пыткам американских пилотов.

Мне известно то, что Вы заявили в академии, которую закончили как курсант. Благодарю Вас за Ваше благородное желание не отвечать мне, чтобы не наделять меня достоинством. Единственный достойный сожаления конфуз - и это не входило в намерения некоторых агентств, передавших первые размышления на эту тему, - то, что я просил представить доказательства. Нельзя доказать того, чего никогда не происходило. Я просил Вас быть этичным.

Продолжение следует.

Фидель Кастро Рус

12 февраля 2008 года

19.26 часов

Дата:

12/02/2008

Source URL: <http://www.fidelcastro.cu/ru/articulos/kandidat-respublikanec-tretya-chast>